

Клэр Хьюз

(Clair Hughes) окончила Институт Курто (Лондон), преподавала историю искусства и английскую литературу в Великобритании и Японии. Автор монографии об одежде в романах XVIII–XIX веков (Dressed in Fiction, 2005), а также книги «Шляпы» (Hats, 2017; рус. пер.: 2019).
clairfauerby@fastmail.com

Мэри Куант И ШЛЯПЫ

Аннотация

К 1965 году женские шляпки перестали быть элементом повседневной одежды. И хотя утверждать, что это произошло из-за какого-то одного человека, было бы упрощением, но одной из женщин, определивших стиль эпохи, точно была Мэри Куант. Куант начала свою карьеру в моде с изготовления шляп, а в 1955 году придумала стиль «девушки из Челси», который помог Лондону ненадолго отобрать у Парижа звание столицы моды и способствовал тому, что шляпы исчезли с городских улиц.

Этот стиль отразил перемены в западной классовой системе. Куант уловила настроение поколения, инакомыслие и жажду перемен и превратила их в стиль — доступный, внеклассовый способ самовыражения.

Ключевые слова: Мэри Куант; шляпы; шляпные вуали; «Девушка из Челси»; магазин «Базар»; 1960-е годы; Лондон; Сэвил-роу; мода аристократов.

В 1963 году, когда Мэри Куант, только что получившая звание «Женщина года» по версии «Санди таймс», явилась (забыв приглашение) в лондонский отель «Савой» на обед в свою честь, швейцар ее не впустил. Она вспоминает: «На мне не было шляпы. Я не могла никого убедить, что „женщина года“ пришла на такой обед без шляпы». В опубликованной пять лет спустя детской книге «Бабушка Люси и ее шляпки» (Grandmother Lucy and Her Hats) бабушка Люси приводит свою маленькую внучку на чердак и открывает шкаф, забитый шляпами. Она примеряет их, и шляпы эти выглядят одна смешнее другой. Милая бабушка Люси, ее седые волосы в пучке, очки, кружевной воротник и большая мешковатая юбка (тогда в моде были мини-юбки) — все это явно принадлежит другой эпохе. Если в 1963 году казалось немислимым, чтобы женщина пришла на официальный прием без головного убора, то к 1968 году все шляпы пылились на чердаках и годились только для развлечения молодежи.

Мэри Куант и ветер перемен

Хотя было бы упрощением сказать, что столь радикальные изменения в стиле и обществе вызвал один человек, доля правды в этом все же есть: к моменту своей смерти в 2023 году 93-летняя Куант считалась женщиной, определившей эпоху. За десять лет до того обеда в «Савое» Куант, студентка факультета моды, устав отглаживать шляпные вуали для лондонского модиста-датчанина Эрика, поклялась себе, что она никогда не будет выглядеть как герцогиня (обед в «Савое» был мероприятием уровня герцогинь). Связан ли этот мятежный порыв с тем, что в 1955 году она открыла свой бутик «Базар», и с тем, что Лондон «свингующих шестидесятых» ненадолго отобрал у Парижа звание столицы моды и очистил улицы от шляп?

Примерно в это же время лондонские портные на Сэвил-роу пытались возродить моду на мужские эдвардианские пальто с высокими воротниками, хомбурги и котелки. Однако ни портные, ни модисты не «читали улицы». Между тем в середине 1950-х годов некоторые жители Лондона, вышедшие из рабочего класса, например друг Куант фотограф Дэвид Бейли, почувствовали ветер перемен. Спокойствие лондонских улиц нарушали группировки буйных молодых людей — субкультура тедди-боев, например. Однако их стиль одежды был подражанием эдвардианскому «шику», а не стремлением к его возрождению. Тедди-бои впечатляют как тем, что они носили, так и тем, чего они не носили: ни у кого не было головного убора. Как

заявил музыкант Макс Дешарне, тебби-бои «бесцеремонно выбросили котелки на свалку истории».

Провокационно одеваться, как британская рабочая молодежь, — это одно; быть интернациональным, как писала Куант в автобиографии 1966 года, статья «британским Сан-Франциско, Гринвич-Виллидж и Левым берегом» — совсем другое. Стиль тебби-боев был недолговечным, примитивным и рассчитанным на мужчин; для развития индустрии моды он не подходил. Тем не менее в социальной структуре страны что-то радикально изменилось. Куант, ее муж Александр Планкет Грин и их деловой партнер Арчи Макнейр вскоре после открытия «Базара» осознали, что они стоят на пороге чего-то грандиозного, хотя и не представляли, что «в течение семи лет оборот бизнеса превысит миллионную отметку, а одежда, которую мне предстоит создать, будет продаваться в ста пятидесяти магазинах Великобритании, трехстах двадцати в Америке и практически во всех странах западного мира».

Как же этот ветер перемен, или youthquake (дословно: «молодежестрясение»), привел к перевороту в мире моды? Ответ отчасти кроется в сдвиге западной классовой системы, изменившем социальный и экономический контекст, в котором люди себя воспринимали. Развитие финансируемого государством высшего образования в послевоенной Великобритании свело трудолюбивую Куант из семьи среднего класса с галантным Планкетом Грином из высшего общества и рабочими парнями-анархистами вроде Дэвида Бейли. У Планкета Грина были связи, у Куант — энтузиазм, и оба понимали, что в недавно ставших влиятельными лондонских «подростках», таких как Бейли, «что-то уже начало меняться... в одежде, поведении — во всем». Они уловили настроение поколения, почувствовали инакомыслие и жажду перемен и превратили их в стиль — доступный и внеклассовый способ самовыражения.

Судьба и удачное стечение обстоятельств сыграли свою роль, но решающим фактором стало место. У Планкета Грина был дом в районе Челси, давно популярном среди богемной элиты. У бизнесмена Арчи Макнейра — кофейня «Фантазия», в одночасье ставшая модным местом. Кофейни, как и мини-юбки, Beatles и скутеры Vespa, воплощают дух 1960-х. Планкет Грин унаследовал пять тысяч фунтов стерлингов, Макнейр добавил еще столько же; затем, в одном из пабов Челси, они узнали, что кто-то продает один объект недвижимости и, загоревшись идеями Куант, купили ее. По словам Куант, «буйабес одежды и аксессуаров вырос, потому что мы очень сильно стремились оторваться от культуры истеблишмента», подальше от солидных универсамов,

которые доминировали в лондонском Вест-Энде, где наряды обычно дополнялись подходящими шляпками, перчатками и сумочками. Перегруженность аксессуарами Куант особенно не любила.

Уже к 1955 году привычная мужская шляпа как аксессуар оказалась под угрозой исчезновения. Однако дамские шляпы не несли на себе тяжелого символического груза мужских головных уборов, и модная революция Куант фактически началась с ее ухода от Эрика не потому, что ей не нравилась ее работа или шляпы (ей не нравились вуали), а потому, что ей платили недостаточно для выживания. В свободное время она шила шляпы, которые Александр выгодно продавал универсам и богатым подругам — ранний пример использования его преимуществ, обаяния и способностей маркетолога, свойственных представителям высшего класса.

Облик Челси

Когда в 1955 году открылся «Базар», там продавали одежду от оптовиков, а Куант делала шляпы, которые быстро раскупали вместе с одеждой. По ее словам, это было невероятно: «столько желающих приобрести то, что мы предлагали». Продажи показали, что существует реальная потребность в модной молодежной одежде, «отобранной людьми того же возраста». Молодежь не хотела «носить по сути то же самое, что носят матери». Нужно было срочно пополнять ассортимент «Базара», и Куант начала шить одежду сама.

Она сама была студенткой и создала собственный юношеский андрогинный стиль: «Мои платья были странными — ужасно короткими и элегантными. Я носила белые мальчишеские гольфы». В широких стеклянных окнах «Базара» можно было увидеть длинноногие манекены, одетые в ее стиле — в коротких юбках и сарафанах с заниженной талией. Эти витрины вызывали такой ажиотаж, что люди приезжали в Челси только для того, чтобы посмотреть на них. «Мы хотели шокировать, развлечь людей», — рассказывала Куант: эта маркетинговая стратегия оказалась более доступной и выгодной, чем закрытые показы мод. Менее чем за десять лет Chelsea Look заставил устареть New Look от Dior.

Шляпы и шляпники все еще были частью городского пейзажа, но самые популярные их стили давно себя изжили. Шляпы в витринах «Базара», напротив, казались частью интригующего представления. В одной из первых витрин манекены, причудливо украшенные зловещными черными птицами, были одеты в темные сомбреро и летние платья и купальники, будоража воображение сценами отдыха на

Средиземном море. В другой витрине кокетливые шляпки-таблетки сочетались с рубашками, галстуками и маленькими юбочками, наводя на мысли о форме стюардесс (авиаперелеты все еще считались роскошью). В 1961 году на витрине с вечерними платьями вообще не было головных уборов. Модист Стивен Джонс отмечает, что для редакторов модных журналов того времени шляпа не играла особой роли: она была одной из деталей, которая «могла заставить страницу „сиять“». Аналогичным образом, шляпы в витринах «Базара» добавляли образам «сияния». Исчезла концепция цельного образа, в котором специально скроенная шляпа дополняла наряд от-кутюр: шляпки-таблетки и сомбреро были обычным сценическим реквизитом, призванным лишь добавить одежде эффектности. Витрины определенно «сияли», и этот свет было видно издалека.

«Базар» стал эпицентром «коллектива Челси», который Куант описала как «интернациональный и прогрессивный: художники, фотографы, писатели, светские львицы, мошенники, первоклассные проститутки, картежники и телепродюсеры». Их объединило разочарование в устоявшейся культуре среднего класса, присущей людям среднего возраста. Границы между клиентами, друзьями и промоутерами стерлись: казалось, «Базар» работает круглосуточно.

Восторг от «революции» Куант был так велик, что и дня не проходило без упоминания Челси в газетах. Ведущие модные журналы обратили на это внимание, и Челси, небольшой район Лондона, стал международным, олицетворяя новый стиль жизни и одежды (к примеру, Билл, отец Челси Клинтон, учился в Оксфорде в 1960-х годах). Куант утверждала, что в ее стиле одевались «дочери герцогов (и снова герцогини! — *Авт.*), дочери докторов и дочери грузчиков», и после нескольких непростых лет дела у Куант пошли достаточно хорошо, чтобы открыть второй бутик. В 1960 году она решила, что пришло время посетить Америку.

Америка

Эта поездка познакомила Куант с американскими достижениями в области технологий и розничной торговли, тем самым став «величайшим событием» в ее профессиональной жизни. Однако поездка была не лучшим событием для шляп. Незадолго до отъезда в Нью-Йорк парикмахер Видал Сассун подстриг Куант, сделав из ее густых прямых волос фирменное каре «пять точек». На снимке журнала *Life* 1961 года, озаглавленном «Чудной стиль британской пары», Куант и Александр с собакой бегут по нью-йоркскому Парк-авеню,

короткие волосы Куант развеваются на ветру под небольшим котелком. Александр без шляпы. Эти стильные, но «чудные» молодые люди запечатлены в момент спонтанной *joie de vivre* (фр. «радости жизни»), которая, как и витрина «Базара», была тщательно выстроена. Для нового визуально-ориентированного поколения образ был важнее всего.

Образы на фото также отражали стереотипный, но очень востребованный британский колорит: твидовый наряд в шотландскую клетку, безупречно одетый аристократ с лохматой собакой (на Парк-авеню?) и, конечно, шляпа-котелок — традиционный символ лондонских бизнесменов и банкиров. Котелки, впрочем, можно было трактовать как насмешку, в зависимости от того, как и где их носили. Неужели эта девушка в мини-юбке и мини-котелке, разгуливающая по центру Нью-Йорка — мировой финансовой столицы, — высмеивает банкиров? Делает ли ее феминисткой то, что она выставляет напоказ мужской символ статуса, ассоциирующийся с финансистами, в сопровождении мужа без шляпы? Этот свежий, буйный образ не только рекламировал стиль Челси, но и указывал на радикальную смену фокуса моды от зрелой, утонченной элегантности к дерзкому, юношескому пренебрежению к ней.

А ведь была еще и прическа. Революционная стрижка Видала Сасуна не только освободила женщин от трудоемких «королевских шлемов» из волнистого перманента, служивших поддержкой для головных уборов, но и стала моментально узнаваемой и выглядела дорого — зачем прятать ее под шляпой? На другом рекламном снимке две кудрявые блондинки в платьях с рюшами и широкополых шляпах стоят по обе стороны от Куант, одетой в вязаный жилет и фланелевые брюки: шляпы на ней нет, а камера сфокусирована на ее искусно уложенных волосах. На большинстве нью-йоркских снимков Куант она запечатлена без шляпы; но фотография из ночного клуба, где она танцует в брюках, в котелке, небрежно сдвинутом назад и обрамляющем волосы, снова играет на контрасте с серьезным мужским статусом шляпы. Как говорил Фрэнк Синатра: «Заломи шляпу — это покажет твое настроение».

Куант нанимала известных моделей, таких как Джин Шримптон, но она сама была своей лучшей моделью. Даже если ее нельзя было назвать красавицей в традиционном смысле, она точно была фотогеничной: источая молодость и энергию, ее юное длинноногое тело светилось молодостью и энергией и придавало новый смысл понятию женской сексуальности. В разные эпохи мода фокусировалась на разных эrogenных зонах — на груди, плечах, ягодицах, а в 1960-х годах

это были ноги. Мальчишеские белые гольфы Куант уступили место белым колготкам из фильма «Девушки из Челси» (Chelsea Girls, 1966), и вместе с все более короткими юбками они придавали ногам новую сексуальную значимость. Модная пресса рассуждала о том, насколько еще могут подняться подола, не выходя за рамки приличия. «Было время, когда девушки хотели выглядеть как опытные тридцатилетние женщины, — говорила Куант. — Сейчас каждая девушка стремится выглядеть моложе возраста согласия», а маленьким девочкам не нужны головные уборы. Эти ноги вместе с фирменным каре Сассуна, вытеснили ранее необходимую дамскую эмблему зрелости и уважения — Шляпу.

Поездка в Нью-Йорк принесла Куант международную славу и фотографии на первых полосах газет, но, что еще важнее, немедленный заказ от универмага Lord and Taylor, а в 1962 году — выгодный контракт с J. C. Penney, американской сетью из 1695 магазинов. В надежде сменить свой имидж и покорить молодых покупателей J. C. Penney отправили закупщиков на поиски дизайнеров. Из Лондона закупщик передал: «Мэри Куант нет равных... Весь проект должен быть построен вокруг этой девушки». В 1962 году сеть представила линейку «Девушка из Челси» (Chelsea Girl) — коллекцию повседневной одежды, произведенную в США под руководством Куант. Коллекция пользовалась спросом, контракты продлили, а в 1964 году последовали каталоги для заказов по почте. Головные уборы, однако, не фигурировали ни в магазинах, ни в каталогах. К тому моменту центром американского общества стал автомобиль, а в них шляпы не только не требуются, но и мешают. Так что шляпы, напоминая об устаревших традициях и ограничениях, не привлекали амбициозных и активных американских девушек.

В 1962 году Куант привезла коллекцию «Девушка из Челси» в Париж. Ошеломленная тишина воцарилась на показе, Куант была уверена, что с треском провалилась, но на следующий день ее телефоны раскалились от звонков, а пресса была в восторге: все, по словам Куант, были «без ума от одежды». Последовали европейские контракты. И вот спустя семь лет после открытия «Базара» «Девушка из Челси» побывала «практически во всех странах западного мира».

В 1963 году на обед в «Савой» Куант пришла без шляпы, но в 1966 году, когда ее наградили орденом Британской империи за заслуги в области британской моды, ей пришлось серьезно задуматься о шляпе — приветствовать королеву Елизавету без головного убора считалось неподобающим.

Берет успеха

Куант могла вести себя нестандартно, но всегда отличалась добродушием. Оскорбления были ей несвойственны. Выбор берета для церемонии награждения был неожиданным, но разумным решением: не будучи «герцогским», он соответствовал официальному характеру мероприятия. Береты были молодежными, унисекс, ассоциировались со спортом, соответствовали образу Куант и, помимо всего прочего, оказались очень востребованными на рынке. В отличие от обычной шляпы, берет можно надеть на лакированные волосы, не портя прическу. В 1966 году Куант выпустила линейку беретов, подходящих по цветам к ее коллекциям. Береты продавались по двенадцать шиллингов и шесть пенсов (сегодня около шести фунтов стерлингов) и были одинаково популярны как среди простых людей, так и у королевской семьи. Образ Фэй Данауэй из фильма «Бонни и Клайд» (Bonnie and Clyde, 1967), с оружием и в берете, придал головному убору контркультурный оттенок. В США береты по цене 1,99 доллара моментально разлетались с прилавков. Куант иногда использовала и другие стили: например, кепки-восьмиклинки, но они были гендерно-нейтральными и производились массово, в связи с чем не очень радовали модистов.

Выжившие

С другой стороны, модисты во всем мире, должно быть, искренне благодарили британскую королевскую семью за верность традиционным головным уборам. Считалось, что любые королевские торжества: вечеринки в саду, свадьбы и события, связанные с лошадьми, были бы гораздо менее веселыми и праздничными без шляп и не должны проходить без них. Европейская знать последовала примеру королевской семьи, и прекрасные, порой изумительные шляпы заполняют страницы международного журнала Hello!, едва ли не полностью посвященного королевской семье. Несмотря на сопутствующий ущерб, дамские головные уборы пережили «молодежेत्रясение» 1960-х, но, к сожалению, во многом утратили свое значение для современной моды и повседневного ношения. Модисты стали знаменитостями, шляпы — произведениями искусства, образцами креативности и технического мастерства, теперь их регулярно приобретают музеи моды.

Мэри Куант и королева Елизавета были почти ровесницами и умерли с разницей в один год. Они обе определяли эпоху: прожив ее, а возможно, и пережив, каждая из них оставила в ней свой неповторимый след. Ни одна из женщин не изменила своему стилю:

королева негласно отдавала предпочтение домашней одежде предыдущих поколений. На снимке 2021 года Куант в полосатой рубашке и комбинезоне, с ее длинными ногами и стройным телом, напоминает о 1960-х годах, но все же выглядит впереди своего времени. Волосы королевы всегда были завиты и сочетались со шляпкой; каре Куант немного отросло, но не подходило ни к чему более грандиозному, чем берет. То, что королева Елизавета и Мэри могли править одновременно, характерно для британского прагматизма. Куант олицетворяла творческую сторону страны, ее склонность к нонконформизму, а также «чуждой» отказ воспринимать себя слишком серьезно. Королева Елизавета была надежной и стабильной частью национального ландшафта, олицетворяющей традиционные ценности, но, в конечном счете, она была непостижимой. Мы мало знаем о женщине под шляпой, а Куант, с другой стороны, ничего не скрывала.

«На самом деле есть две истории о шляпах, которые стоит рассказать, — пишет Майкл Картер в своей книге «Давая вещам лицо». — Одна мужская, другая — женская» (Carter 1997), а в истории о женских шляпах «Девушка из Челси» Куант ознаменовала переломный момент, когда устоявшийся образ модной женщины — всегда в шляпе — превратился в тот, где отсутствие шляпы было ключевым для ее привлекательности. Этот исторический переворот был увековечен в 1965 году на первополосной фотографии, где знаменитая модель Джин Шримптон запечатлена во время крупнейшего светского мероприятия Австралии в мини-платье — без рукавов, без перчаток, без чулок и, что хуже всего, без шляпы. Это был Кубок Мельбурна, и она стояла на фоне почтенных дам в шляпах и перчатках. На следующий день она надела шляпу, но было уже поздно. Тем не менее ни Джин Шримптон, ни Мэри Куант не выбрасывали шляпы на «свалку истории» и не пытались свергнуть королеву. Перемены — суть шляпного дела: Куант не только преобразила то, как женщины хотели выглядеть, она дала толчок радикальным изменениям в подходах к пошиву и дизайну, а также в том, как мы воспринимаем и по-прежнему хотим носить шляпы.

Перевод с английского Анны Бизяевой

Литература

- Bailey 2020* — Bailey D. Look Again. London: Macmillan, 2020.
Carter 1997 — Carter M. Putting a Face on Things. Sydney: Power Publications, 1997.
Décharné 2024 — Décharné M. Teddy Boys. London: Profile Books, 2024.
Lister 2019 — Lister J. Mary Quant. London: V&A Publishing, 2019.
Quant 2018 — Quant M. Quant On Quant. London: V&A Publishing, 2018.

